

ДАНИИЛ ЭНТИН: ПОДДЕРЖИВАТЬ ЖИВОЙ ОГОНЬ

Беседа с директором Музея Николая Рериха

Эта беседа проходила в один из весенних дней прошлого года в Нью-Йорке, на Манхэттене. Там на 107-й улице находится Музей Николая Рериха, который появился благодаря неутомимой энергии Зинаиды Григорьевны Фосдик (1889-1983). В нескольких блоках от нынешнего, на набережной Гудзона, когда-то существовал старый музей, основанный в 1920-е годы самим русским художником. Он располагался в 29-этажном небоскребе и назывался Мастер Билдинг, или Дом Учителя. Время унесло его в прошлое. В 1930-х музей был закрыт. И теперь осталось лишь воспоминание в виде надписи «Riverside Museum» (Риверсайд Музей) над главным входом в это высотное здание. Именно возрожденный через десятилетия Музей принял эстафету Учения Живой Этики и теперь является крупным культурным центром мирового значения. Разговор о ценностях Учения, о близкой ученице Рерихов З.Г. Фосдик и ее последних днях жизни предложен нынешнему директору нью-йоркского Музея Даниилу Энтину (Д.Э.), члену редакционного совета «Вестника Ариаварты». В этой беседе главному редактору журнала Владимиру Росову (В.Р.) помогала сотрудница Музея Аида Тульская (А.Т.).

В.Р. Даниил, Вы являетесь директором Музея Рериха, как судьба привела Вас впервые в Музей?

Д.Э. Вы имеете в виду — как посетителя? Впервые я пришёл в Музей, конечно, как посетитель.

В.Р. Давно это было?

Д.Э. Я точно не помню, быть может, в 1970-м. Дело в том, что я был членом суфийского ордена и учился у суфиев. Как-то в летнем лагере, который суфии проводили во Франции, в Шамони, я встретил человека, помощника главы ордена, которого звали Пир Вилайят Инаят Хан. Этот человек почувствовал, что я, возможно, не вполне удовлетворен изучением суфизма, и посоветовал мне пойти в Музей и встретиться с Зиной Фосдик. Это было в конце 1960-х. Года два я ничего не предпринимал, но в какой-то момент

всё-таки решил зайти в Музей. Пришел, встретился с Зиной и предложил свою помощь. В то время я работал фотографом. Им как раз был нужен фотограф, они попросили меня сделать снимки некоторых картин. Потом я продолжал приходить в Музей для того, чтобы помогать, чем могу, просто для того, чтобы быть здесь. Около 14 лет приходил сюда каждые выходные. А незадолго до своего ухода в 1983 году Зина спросила меня, согласен ли я стать директором после её смерти.

А.Т. Так Пир Вилайят знал о Музее?

Д.Э. Нет, это был не Пир Вилайят, это был американец, помогавший ему в управлении организацией.

А.Т. А этот человек, как он узнал о Музее, о Зине?

Д.Э. Он не раз приезжал к Зине, беседовал с ней как равный в эзотерическом

ученичестве. Он очень ею восхищался. Это был замечательный человек.

В.Р. Пир Вилайят был иранцем?

Д.Э. Его отцом был знаменитый музыкант из Пакистана — Хазрат Инайят Хан. Учитель Хазрата послал его на Запад — принести туда суфизм. И он открыл школу недалеко от Парижа. Затем его сын, Пир Вилайят, продолжил дело отца. Он всё еще возглавляет этот орден.

В.Р. Можно ли сказать, что он был Вашим гуру? Был ли он Вашим первым учителем?

Д.Э. Конечно, вполне можно. Не первым, нет, до него были другие. Да, он был (и до сих пор является) великим учителем для многих людей.

В.Р. Почему он был таким великим в Ваших глазах? Что в нем притягивало?

Д.Э. Я не знаю, почему человек выбирает того или иного учителя. Это субъективно. Вы не прилагаете никаких мерок, никаких объективных стандартов, просто встречаете кого-то или слышите, как он говорит, — и вы знаете. До этого я учился у другого человека, который был членом одного индийского ордена и последователем Свами Муктананды. Однажды вечером Пир Вилайят пришёл туда, чтобы прочитать лекцию, и мне сразу всё стало ясно: когда он поднялся, чтобы уходить, я тоже поднялся, вот и всё. Иногда всё очень ясно. Вы просто знаете. Не знаете, почему, просто — знаете. Я учился у Пира Вилайята несколько лет. Затем меня стало беспокоить, что вокруг него начала выстраиваться организация. Подобное происходит со всеми преуспевающими учителями: выстраивается организация, воздвигаются барьеры между учителем и учениками, и вдруг оказывается, что учитель вне их досягаемости. Всё меняется — у вас больше нет доступа к учителю. Поэтому остается лишь выбирать — либо оставаться безо всякого доступа к учителю, либо искать какое-то другое место для учебы.

В.Р. Обычно учителя чем-то поражают людей. Что всё-таки было в основе Ваших отношений с Пиром Вилайятом, что Вас привлекало к нему? Может быть, случались какие-то чудеса?

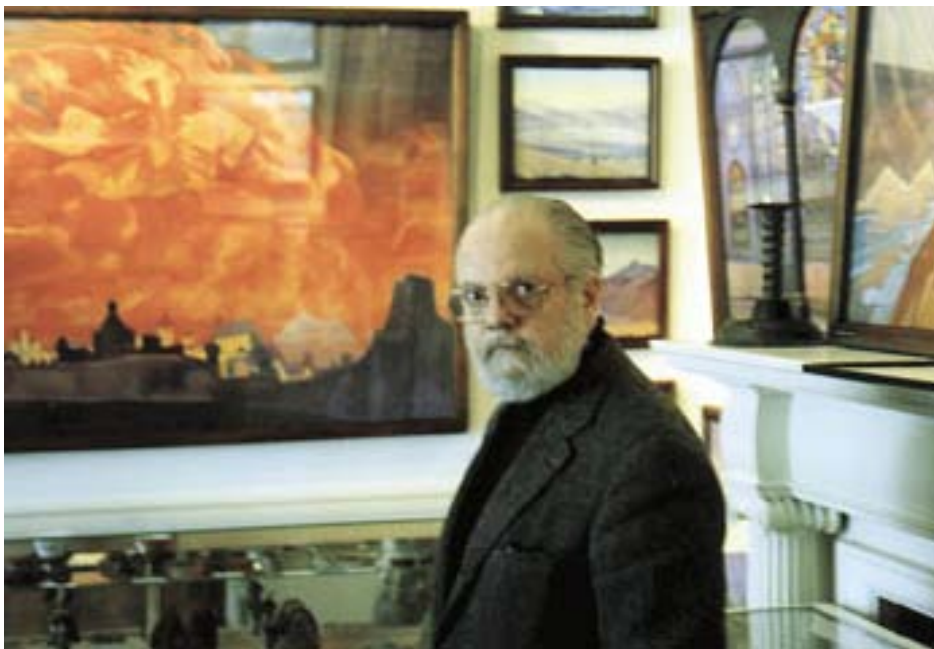
Д.Э. Нет, никаких чудес! Если бы учитель производил чудеса, я бы тут же его покинул. Я бы не доверял такому учителю.

В.Р. Но почему же?

Д.Э. Когда истинный учитель начинает говорить, вы просто слышите Истину, слышите Мудрость, и вы не видите ничего, чему вы не могли бы доверять. Никакого эго. Многие учителя в значительной степени выражают свое «я». И часто, к сожалению, своей магнетической силой они притягивают многих учеников, но я никогда не доверял подобным вещам. А Пир Вилайят казался полностью лишенным «я», необыкновенно мудрым, всё, что он говорил, очень вдохновляло. Этого достаточно, на мой взгляд.

А.Т. Интересно, а каково было Ваше первое впечатление от встречи с Зиной Фосдик?

Д.Э. Не очень хорошим. (*Смеется*). В суфийском ордене всё построено на единстве, на любви, на всепринятии. Очень ценится душевный мир, внутренний покой. Они много медитируют. В Шамони мы забирались в маленькие хижинки и медитировали целыми днями. (*Смеется*). Потом я пришел сюда, а здесь всё так... практично. Когда я вернулся с гор, из Шамони, я был так отстранен от человечества, от реальной жизни, что не мог разговаривать с людьми несколько недель — пока не произвел в своем сознании некий сдвиг. Здесь же всё было совершенно иначе, очень обыденно. Я слышал — в самый первый день, когда пришел сюда — как Зина сетовала на людей, жаловалась, она всё время говорила о Хорше и о том «деле». Это как-то не показалось мне «духовным». Но всё же я остался и никогда не жалел.

Даниил Энтин в Музее Николая Рериха

В.Р. И всё-таки Зина была духовным человеком, что-то в ней было и хорошее?

Д.Э. Я не знаю, что это такое. Не знаю... Как, сидя и разговаривая с человеком, вы можете сказать, что это «духовный человек»?

В.Р. Вы, например, заметили, что она не очень хорошо говорила о людях. Но что-то же и привлекало в ней? Иначе Вы бы ушли?

Д.Э. Вполне мог бы уйти. Я остался, потому что очень доверял тому человеку, который посоветовал мне прийти сюда, и знал, что на этом всё не кончится. Зина никогда не раскрывалась быстро — никому. Ее духовность была не на виду, никакой демонстрации — «вот какая я духовная». Думаю, никогда не смог бы определить, что значит слово «духовность». Это всё равно, как если бы вы стали определять, что такое «Бог» — просто невозможно. Причина

того, что я остался, была в другом. Я просто решил — это подходящее место для меня, для моего развития.

Зина никогда не поучала. Ей было сказано, чтобы она ни о чем не говорила, если не задан вопрос. Елена Ивановна Рерих всегда напоминала ей об этом. Зина так и поступала. В сущности, она пошла еще дальше. Например, предлагала мне прочесть определенную книгу и затем прийти с вопросами. Я приходил с вопросами, и она соглашалась: «Да, это хорошие вопросы, мы поговорим о них, но сначала...» — и предлагала свою «повестку дня». Здесь что-то сломалось, нужно починить, там убрать мусор — и так далее. Каждую неделю я приходил, и всегда было много таких дел, поэтому она всё время повторяла: «Поговорим позже». Иногда целые месяцы мы не разговаривали на эти темы, и всё, что я делал, так это менял электрические лампочки и развешивал картины.

А.Т. И помогали ей с корреспонденцией?

Д.Э. Это было позже, много позже. Когда Зина стала доверять мне, я начал помогать ей в работе с письмами. Ей было уже очень много лет, она не могла больше печатать на машинке и поэтому диктовала мне письма разным людям. И в это время я мог спрашивать ее обо всём, о чем шла речь в письмах. Так что я учился больше на том, что она говорила другим, а не лично мне. Нужно было просто сидеть тихо и слушать. Я учился, помогая ей. Само пребывание в Музее и помощь Зине в ее работе были моей школой. Я пришел помогать, а помогать — значит, работать... Через несколько лет меня пригласили войти в Совет попечителей.

В.Р. Для нас всё-таки имя Зинаиды Григорьевны Фосдик ассоциируется в первую очередь с Рерихами. Что она рассказывала о своих встречах с её Учителями, Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной?

Д.Э. На этот вопрос трудно ответить. Я как-то не мог прийти к ней и попросить: расскажите мне о своих встречах с Рерихами. Это слишком большой вопрос. Только когда происходило событие, напоминавшее ей что-либо из прошлого, Зина рассказывала мне об этом. В последние годы жизни она собрала все свои дневники, отдала их мне (фактически, они и так были в моем распоряжении) и сказала: здесь всё есть, читай. И к очень большому сожалению, всегда очень много времени и внимания уделялось проблемам с Хоршем. Она так и не исцелилась от этой боли, не превозмогла ее, не преодолела это препятствие. Она всё время говорила об этом — слишком много, постоянно. Это было, словно яд. Зина говорила об этом, Фрэнсис Грант говорила об этом, Кэтрин и Инге говорили. Всё, что случилось с Хоршем, так и осталось у них на душе. Так что Зина говорила об этом больше, чем о чем-либо другом. И, по-моему, это

очень печально, потому что... Одно из самых любимых высказываний Зины — «Что было, то сплыло» (That's down the river). Она повторяла его, когда что-то нужно было отпустить или оставить. Но случай с Хоршем так никогда и не «сплыл».

Но вернемся к моей работе с Зиной. Очень трудно сказать, как мы усваиваем идеи. Они просто усваиваются. Иногда мы сидели и говорили об Учении, достаточно открыто. Она всё еще помнила о Рерихах многое, чего не было в дневниках. Например, люди спрашивали ее: был ли Николай Рерих всегда таким серьезным — на портретах он очень серьезный. Она смеялась и говорила: «Нет, нет, он любил посидеть за столом на кухне, рассказывал смешные истории и смеялся». И люди очень удивлялись этому. Они думали, что Николай Константинович был серьезен всегда. Так что мелкие детали, подобные этой, она вспоминала. Или — разговоры о том, как управлять Музеем. Зина иногда говорила о наставлениях, которые были даны ей на этот счет.

И поскольку мы знаем об этих наставлениях, нас тем более удивляет, почему рериховские организации в России ведут себя таким образом — столь отличным от того, чему Рерихи учили нас. Например, в отношении абсолютного разделения между Музеем и Агни-йогой. Музей должен быть общественным культурным учреждением, открытым каждому. Люди, приходя сюда, должны прикасаться к культуре, и не нужно давать им ни малейшего намека на то, что существует нечто подобное Агни-йоге. Это было непреложным правилом: ни в коей мере не смешивать культурную деятельность и Учение. И поэтому посетители Музея не видели никаких книг Агни-йоги. Конечно, если они сами спрашивали — всё было в их распоряжении. Я думаю, это был очень мудрый и важный принцип. И некоторые выступления в России против рериховского движения, против

Дэдлей и Зинаида Фосдик.
У входа в Музей Николая Рериха. Нью-Йорк, 1950-е годы

В Музее Николая Рериха. 1950-е годы

Музея в Москве и тому подобное — вызваны тем, что там никогда не соблюдалось это правило. Когда люди приходят сюда, в наш Музей, у них не создается впечатление о каком-то культе.

Для меня существуют определенные правила управления Музеем, которые установлены здесь Рерихами. И первое из них — никогда не смешивать культурную деятельность и Учение. В старом Музее были люди, которые преподавали живопись, музыку целыми годами — и они никогда не слышали слова «Агни-йога», ни малейшего упоминания.

Другое правило — никогда никого не поучать, не говорить людям ничего, о чем они не спрашивают. Только отвечать на вопросы. И ничего не навязывать, когда нет вопросов. Никогда. Не

хватать кого-то за горло и говорить: давай, я расскажу тебе об Агни-йоге. Это нерушимое правило, которого мы здесь придерживаемся. Действительно, очень мудрое правило. Именно непрошеное проповедничество вызывает нападки. Учение — для тех, кто стремится к нему. Это очень важно.

И еще одно правило — быть всегда открытым. То, что в Учении выражено заповедью «Господом Твоим». Эта заповедь имеет намного более широкий смысл, чем люди обычно думают. Здесь речь идет не только о Боге или о религии, но о том, чтобы быть открытым для каждого человека, для его мнений, понятий и представлений. А также — быть способным говорить с каждым человеком на его языке, в его собственных

понятиях, которые он принимает. Говорить обо всем, вовсе не только о Боге. И при таком подходе всё становится гармоничным, продуктивным, нет никакого отрицания. Мы стараемся никого не отвергать, но всегда принимать. Не исключаем людей, но включаем их. Это очень важные принципы. Всё это не относится к вашему вопросу, ну да ладно.

А.Т. Но ведь практическим правилом для Зины было всегда говорить сначала «нет», и человек должен был доказать ей, что...

Д.Э. Да! Я не говорю, что Зина научила меня этой открытости. Этому меня научило Учение. Зина обычно испытывала людей. Если кто-то приходил и хотел чего-то, она всегда отвечала «нет». Человек должен был доказать, что он достоин того, о чем просит, лишь после этого он мог услышать «да».

В.Р. Вы сказали, что Зинаида Григорьевна много говорила о Хорше и о том, что случилось с первым музеем на Риверсайд Драйв. Как она оценивала эту трагическую историю? Что произошло со старым музеем?

Д.Э. Его просто украли! Вот и всё. Украли тот, кто более заботился о материальных ценностях, чем о чем-то еще. Здесь всё не так просто. Иногда я думаю о том, что было бы, если бы не Зина. Елену Ивановну Рерих очень шокировали все эти события. Она писала, что, возможно, Учение пришло в мир слишком рано, что ей следовало бы прекратить работу, неизвестно на сколько сотен лет, и затем вернуться, чтобы продолжить дело. Но Зина была уверена, что нужно бороться. И я не думаю, что все они, сотрудники Рерихов в Нью-Йорке, боролись бы с таким энтузиазмом, если бы не Зина, которая подгоняла их, убеждала, уговаривала — не сдаваться. Так что, в некотором смысле, если бы не Зина, я не знаю, насколько продвинулось бы дело Учения. Те немногие книги, которые уже были опубликованы на тот момент, существовали бы, но не

было бы никакой организации, чтобы поддерживать работу. Трудно сказать, что было бы с Учением. И наверняка не было бы Музея здесь. Многие годы это был единственный Музей Рериха. Трудно даже сказать, как пошло бы развитие рериховского движения в России, если бы здесь всё было иначе, если бы не существовало этого нью-йоркского Музея. Потому что, по мысли Зины и всех нас, мы должны были поддерживать живой огонь для всего мира, включая, конечно, и Россию. Поддерживать контакты с Россией стало важной частью нашей работы. В России это пламя подавлялось, и мы считали своим долгом поддерживать рериховцев в «подполье». Надеюсь, мы в какой-то степени выполнили эту задачу. Конечно, большая часть роста рериховского движения в России — результат действий самих русских. Но всё же, я думаю, немалую роль в этом сыграла и наша деятельность здесь. Когда Зина спросила меня, согласен ли я быть директором, если с ней что-то случится, первое требование заключалось в том, чтобы я имел в виду сотрудничество с Россией как, возможно, свою самую главную задачу.

В.Р. После смерти Зинаиды Григорьевны Вы стали директором. Вопрос преемственности всегда очень важен. Расскажите, как это произошло.

Д.Э. Всё произошло согласно сложившейся здесь, в Музее, практике — глава организации называет своего преемника. Следуя этой традиции, Кэтрин Стиббе выбрала Эдгара Лансбери своим преемником на посту президента Музея, Зина Фосдик передала Эдгару Лансбери пост президента Общества Агни-йоги. Следуя этой же практике, Зина выбрала меня как следующего директора Музея. По закону требовалось одобрение Совета попечителей. После смерти Зины Совет принял ее рекомендацию и назначил меня директором Музея. Думаю, это последний такой случай. Я точно не буду выбирать кого-то.

И Эдгар Лансбери тоже не будет. наших преемников изберет Совет попечителей демократическим голосованием.

В.Р. Как прошли последние дни Зинаиды Григорьевны?

Д.Э. Зина в последние дни была очень усталой, физически слабой. Летом 1983-го она поехала с одной из своих помощниц в отпуск. Собиралась месяц провести на природе, но в первую же ночь ей приснился сон, в котором Рерихи пришли к ней и сказали, чтобы она перестала волноваться о Музее, они очень благодарны ей за ее труд и ждут ее, «ждут ее в Кулу». Зина восприняла этот сон очень серьезно. Она тотчас же разбудила свою помощницу и попросила записать его. И на следующий же день вернулась обратно в Нью-Йорк. Позвонила мне, но ничего не сказала об этом сне, а просто спросила, соглашусь ли я оставить свою работу и прийти сюда, чтобы стать директором, если с ней что-нибудь случится. И я, конечно, согласился. Тогда она сказала, что я должен прийти в самый день ее ухода, поскольку этот Музей никогда не оставался пустым ночью: всегда кто-то там был. Я думал, что это отвлеченный разговор, и говорил: да, да, я согласен. А три дня спустя, 16 июля 1983 года, Зина умерла. Она не была больна, она просто... ушла. Сделала то, что ей было сказано во сне. В тот же день я немедленно пришел сюда и следующую ночь провел в Музее. Это было очень болезненное время, очень сложное в эмоциональном отношении. Ее характер, ее личность были столь сильны, что отпечатались на всех аспектах жизни Музея, на каждой вещи, большой и малой.

Думаю, одна из причин, почему я мог работать с ней, при всей силе ее личности, — это то, что я принимал все правила, которые Зина определила для Музея, и работал согласно этим правилам. Мы работали очень гармонично.

Присутствие Зины здесь, в Музее, после ее ухода ощущалось очень сильно

и довольно долго — думаю, всё лето. Действительно, имели место очень необычные переживания. Например, в первый вечер, когда я решил сесть в ее кресло за ее стол, возникло вполне физическое ощущение, что я сижу у нее на коленях. Это было необычное чувство.

А.Т. Когда Вы почувствовали это, Вы тут же вскочили?

Д.Э. О нет, это было очень приятно! Возникло ощущение мира и ободрения... Потому что я находился у нее на коленях, и ее руки обнимали меня. И еще одно... У нее было кольцо, данное ей Учителем, которое она никогда не снимала. И в последний вечер, сидя за столом, она как будто решила умереть — сняла свое кольцо, положила его на стол, который теперь стал моим столом, и пошла спать. И умерла.

А.Т. Это Ллойд нашел ее?

Д.Э. Да. Ллойд жил в соседнем доме, занимался в Музее упаковкой и рассылкой заказов. Конечно, всё это ужасные вещи. Надо звонить властям. Приезжает полиция с большим пластиковым мешком на молнии, кладут ее в мешок и забирают. Это ужасно! Ужасно было видеть, как полиция кладет ее в пластиковый мешок. Это как-то не по-человечески.

А.Т. Она говорила Вам, что хочет быть кремированной?

Д.Э. О да. Она настаивала на том, чтобы ее кремировали, и хотела, чтобы ее пепел разбросали в саду. На что Кэтрин сказала: «Нет, нет, мы не можем сделать этого, потому что люди будут ходить по ней». Мы оставили ее прах в урне, а урну захоронили в саду.

И может быть, уже года за два до своей смерти она начала готовиться. Иногда при этом случались трогательные ситуации, когда она вела себя как-то подетски. Несмотря на то что Учение говорит нам, чтобы мы не пытались предопределить свое следующее воплощение или воздействовать на него, она решила для себя переродиться быстро. Дело в том, что Елена Ивановна за много лет

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке

до этого писала, будто Николай Константинович вскоре после смерти воплотился в Сибири. И Зина очень хотела тоже перевоплотиться быстро и в Сибири, чтобы найти его и опять работать с ним. Он был ее Гуру, а она — его чела. И вот, в возрасте 90 лет она решила — для того чтобы перевоплотиться женщиной, ей нужно научиться готовить. Я поддразнивал ее и говорил, что большинство знаменитых поваров-профессионалов были мужчинами и что она, научившись хорошо готовить, станет мужчиной-поваром. Зина очень сердилась, для нее это не было предметом шуток. Обычно я готовил для нее каждые выходные, когда приходил, в течение всей недели она ела только бутерброды с сыром. Так что я научил ее готовить омлет и разные другие блюда — чтобы она могла перевоплотиться женщиной в Сибири. Надеюсь, она обрела то, что хотела.

А.Т. А когда же умерла Людмила Страва?

Д.Э. Я думаю, Людмила умерла года на три или четыре раньше, чем Зина. Она была из Харбина, из группы Абрамова. В середине 1950-х годов Елена Ивановна попросила Абрамова найти для Зины подходящую помощницу и компаньонку. И Борис Абрамов послал к ней Милу (в то время она уже жила в Бразилии).

А.Т. Как случилось, что Зина умерла в одиночестве: это было ее желание, чтобы никого не было вокруг, кто бы помогал ей, или просто так вышло?

Д.Э. Я полагаю, таково было ее желание. После того как умерла Людмила Страва — еще молодой, ей было 59 лет — Зина не хотела, чтобы кто-то оставался здесь с ней, и лишь одна помощница, Рая Невлер, приходила в Музей. И они так хорошо ладили, что Рая иногда оставалась на несколько дней. Но Зина всё держала под контролем, вплоть до своей смерти.

В.Р. Вы говорили об Учении, и не секрет, что Учение связано с Мастером,

с Учителями. Такой опыт имеется в Теософском движении, известно о появлении Учителей в окружении Блаватской. Были ли у Рерихов и у Зины Фосдик встречи с Учителем?

Д.Э. Ну, кое-что об этом, хотя и немного, есть в книгах. Как, например, встречи в Лондоне, в Нью-Йорке, в Индии. Оставлены записи и в дневниках Елены Ивановны Рерих. Мы знаем, что Зину по крайней мере однажды посетил Учитель — здесь, в здании этого Музея. Елена Ивановна написала Зине и указала ей быть у себя в комнате в определенный день, в определенное время, потому что к ней придет Мастер. И Он пришел...

*Нью-Йорк,
20 апреля 2001*

*Перевод с английского
Егора Фалёва*

От редакции. В беседе упомянуты сотрудники первого Музея Николая Рериха: Луис Хорш (1888-1979), президент; Фрэнсис Грант (1896-1993), вице-президент; Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе (1898-1996) и Ингеборг Фричи (1899-1996), члены Общества друзей Рериховского музея, впоследствии вместе с Зинаидой Фосдик возглавившие возрожденный Музей. А также: Дэдлей Фосдик (ум. 1957), муж Зинаиды Григорьевны, внесший большой вклад в дело возрождения Музея, и Борис Абрамов (1897-1972), руководивший группой Живой Этики в Харбине (возвратился из эмиграции на родину, в Советский Союз).